

СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ АВТОНОМИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ¹

Александр Дмитриев

SOCIAL IMAGINARY, ADVENTURES OF AUTONOMY
AND INTELLECTUAL HISTORY

© Alexander Dmitriev

Leading Scientific Researcher at National Research University – Higher
School of Economics (Moscow),
Poletaev Institute, Myasnitskaya 20, Moscow, 100 000 Russia

ORCID ID: 0000-0002-0017-1737

E-mail: alex.n.dmitriev@gmail.com

Abstract: Among the social philosophers Vladimir Fours studied, a special place belongs to Carlos Castoriadis (1922–1997), the French thinker of Greek origin. The article analyzes the intellectual and disciplinary reasons for the relative lack of attention to the legacy of Castoriadis in Russian academic community. His emancipatory interpretations of psychoanalysis was especially unsavory for post-Soviet intellectual conservatism. It was important for Vladimir Fours to see Castoriadis within the framework of Marxism as the antithesis of Althusser’s antihumanism – and, to analyze his ideas in the broader context of the social thought of the early 21st century (A. Giddens, A. Honneth, J. Butler). The article analyzes in details two concepts central to Castoriadis – “imaginary” (from his 1975 key book) and autonomy. In particular, from the point of view of intellectual history, the imaginary and autonomy were realized in various inverted forms during the “long” twentieth century, taking into account the experience of state socialism and post-Soviet development. Autonomy turns out to be not so much an extension of the old liberty or eternal “human rights” as a concrete set of the problems of civic participation, effective imaginary.

1 Статья подготовлена по результатам проекта «Фронтиры гуманитарного знания в XXI веке» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2020 году.

Keywords: Fours, Castoriadis, social imaginary, autonomy, social philosophy.

Главную тему размышлений Владимира Фурса, на мой взгляд, можно было бы сформулировать как поиск адекватной и действенной социальной философии для XXI века. Если его ранние сочинения (и кандидатская диссертация) явно перекликались с лучшими достижениями позднесоветской истории философии (в исполнении Нелли Мотрошиловой, Эриха Соловьева, коллег из Ростова, Киева и Свердловска), то в 1990-е неслучайно наибольший интерес у него и ряда коллег за пределами круга близкого общения вызывала современная критическая теория, отнюдь не ограниченная только достижениями Франкфуртской школы или Юргена Хабермаса. В частности, он обращался к идеям рефлексивного модерна и к (куда реже сопрягаемой с немецким нео- или постмарксизмом) социальной философии Бодрийяра. В сочинениях тех лет, которые оказались для Владимира последними, можно видеть явное расширение тематического репертуара публикаций. Его главные «герои» – Гидденс и Бодрийяр, Касториадис и Бурдьё (не говоря о Фуко) – в своих идейных построениях явно выходят за пределы, очерченные наследием Адорно и Хоркхаймера.

1

Я перечислил выше философов и теоретиков, особенно интересовавших Фурса на рубеже веков, – и среди названных авторов именно Карлосу Касториадису (1922–1997) явно уделено меньше внимания в исследовательской литературе на русском языке. Трансформации идей, высказанных Касториадисом, особенности видоизменений его понятий в восприятии других обществоведов и историков я бы хотел рассмотреть подробно.

Но прежде всего отметим, что и давно вышедшие труды его, несмотря на появление русских переводов, все еще остаются «у нас» в новинку (Касториадис, 2003; Касториадис 2012). Почему так? Речь идет не просто об еще одном упущенном важном мыслителе из когорты представителей «французской теории» (Нежелская, 2010; Гашков, 2020). Ведь с этим упущением явно связан и интерес Владимира к наследию французского левого мыслителя греческого происхождения – детальней всего он писал о нем в вышедшей в Одессе статье 2005 года (Фурс, 2012, с. 381–394). На мой взгляд, у этого феномена не-рецепции можно найти свои объективно обусловленные причины. Главными резонами такого «отсутствия» мне видятся следующие:

– идеологический. После 1991 года, когда происходило усвоение прежде «цензурированного» наследия, спрос именно на

левую мысль был минимальным – если это не было подкреплено безусловной позитивно-научной репутацией мыслителя, как в разных градациях было в случаях Юргена Хабермаса, Эрика Хобсбаума или Ноама Хомского (ср.: Keucheyan, 2013). Достаточно вспомнить, что имена ангажированных авторов, как Негри или Бадью, оставались и в начале 21 века известны в странах СНГ скорее специалистам, а интерес Славоя Жижека к Ленину или Лукачу 1920-х годов виделся больше продолжением его эксцентричного мировоззрения, как некий постмодернистский жест;

– дисциплинарный. Специфический статус «политической теории» внутри менявшихся за последние 70 лет академических областей знания предопределил несхожие векторы усвоения и развития идей левой антисталинской и демократической мысли о желательном устройстве общества, о месте индивидуальной и коллективной свободы и назначении критического мышления. Особенно заметной эта несхожесть оказалась в постсоветском контексте, где по сути не предполагались закрепившиеся еще с начала XX века в разных странах Европы и США взаимосвязи политической науки, социальной философии и общественной практики (Капустин, 2006);

– симптоматический. Особое место психоанализа в развитии французских гуманитарных наук, отмеченное, например, в работах Э. Рудинеско и Н. Автономовой, и вполне явное у позднего Касториадиса обуславливало и особенности оптики, аксиоматики и понятийного инструментария, которые не могли быть прямо перенесены в контекст иной, сциентизированной (или, наоборот, спиритуалистской) постсоветской мыслительной традиции (Автономова, 2010).

Можно ли говорить здесь более широко – о непереводаемости в смысле Барбары Кассен и ее последователей? Перед нами явно не проблематика межкультурного трансфера, а скорее вопрос о трудности сопряжения ценностных горизонтов и разных эпохальных «неодновременностей» (по Эрнсту Блоху). Стоит обратить внимание в плане социальной симптоматики, что даже у Юрия Лотмана в 1970-е годы в условиях пусть ограниченной академической свободы метод Фрейда вызывал эксплицитное неприятие (Лотман, 1974), а Луи Альтюссер, при всей его коммунистической ортодоксальности, детально писал о важности Фрейда и Лакана для эпистемологического инструментария современного марксизма. В позднесоветском контексте и вне прямой связи с уже слабеющим официозом (чего стоит знаменитая конференция о бессознательном в Тбилиси в конце 1970-х годов) наиболее эксплицитно отторжение «пансексуализма» Фрейда проговаривал Юрий Николаевич Давыдов – записной критик Франкфуртской школы, глубокий знаток Макса Вебера и немецкой культурно-философской традиции и тайный поклонник Сергея Булгакова (Давыдов, 1987). Тот же Давыдов был и выразителем специфического

советского культурконсерватизма, который еще предстоит описывать детально (Вальдштейн, 2013); но важным и показательным оставалось неприятие духа 1968 года, трактовка эмансипации как разновидности предсудительного и безответственного «либертенства», и наследия Касториадиса в частности. Сам Владимир Фурс отмечал резоны обращения французского философа к наследию Фрейда:

Основную цель психоанализа Касториадис видит в установлении «иного отношения» между психическими инстанциями: репрессия должна быть заменена признанием содержаний бессознательного и рефлексией над ними. Эта замена приводит не к устранению психического конфликта, а к формированию действительной субъективности, способной к саморефлексии и обдумыванию (Фурс, 2012, с. 61).

Отметим, что Фрейд (и Шопенгауэр) были очень важны еще в 1920–1930-е годы для Макса Хоркхаймера, а у Райха, Фромма или Маркузе психоанализ оказался источником формирования разных версий западного марксизма.

Три отмеченных модуля неслышания («левака», «дилетанта» и «социального фрейдиста») и составили постсоветский образ Касториадиса как характерно-неопределенного полуфилософского полусоциологического фрика/номада, по сравнению с которым его былой единомышленник по группе «Социализм или варварство» в 1950-е годы Клод Лефор или близкий по манере мысли философ следующего поколения Жак Рансьер даже оказались куда более вписанным в наши дисциплинарные градации (Gottraux, 1997; Cholett, 2015; Labelle, 2001). Что же представляло собой центральное для Касториадиса понятие «воображаемого» из его ключевой книги 1975 года (Касториадис, 2003) и каковы способы его перевода на языки «нефилософских» гуманитарных наук, вне дисциплинарного чванства и самодостаточности?

Если у медиевистов идеи Жоржа Дюби и его последователей (например, Жана-Клода Шмитта) о средневековом воображаемом получили свое конкретное наполнение на уровне исторических исследований мыслительных систем, визуальности, религиозной культуры (Evergates, 1997), то заведомо современное, несмотря на отмеченные важные отсылки к античности, видение общества у Касториадиса пока остается уделом немногих энтузиастов или пионеров. По сути, лишь в 2010-е годы в постсоветском пространстве оформились группы левых интеллектуалов («Что делать?», Openleft.ru, интернациональный круг журнала «Спільне»), для которых идеи Касториадиса могут служить одним из источников вдохновения и действия, а не только предметом ученой отсылки. И все же помимо практической составляющей проблематика социального воображаемого содержит, на мой взгляд, и значимый

исследовательский потенциал именно в модусах полидисциплинарной совместной работы.

Подчеркнутая а(на)хроничность Касториадиса, отсылавшего к действительности опытов и идей античных авторов напрямую, минуя вековые пласты интерпретаций и «измов», только сильней подчеркивала его несовпадение с порядками воображения постсоветской социальной философии (которую так остро критиковал Владимир Фурс в последних своих работах). Только ли в унаследованной самодостаточности, самоцензуре, грузе идейной отсталости и явной демодернизационной составляющей обществ бывшего «второго мира» тут дело?

2

Как мне представляется, для специалистов по интеллектуальной истории XX века центральные понятия Касториадиса – «социальное воображаемое» и «автономия» (в т.ч. в их интерпретации у Владимира Фурса) – оказываются первостепенно значимы. Но и воображаемое, и автономия предстают применительно к уже случившемуся прошлому в такой специфической инверсии, которая сама по себе нуждается в объяснении с помощью таких инструментов, которыми сами историки, на мой взгляд, не располагают. Тогда для них оказываются важны те самые «чужие» качества, которые академическая и дисциплинарная бритва Оккама обычно оставляет за пределами привычных стандартов и работы, и письма: вдохновение философов, схематичность (в самом позитивном, востребованном смысле!) социологов и политологов, чуткость психологов и дальнзоркость писателей, людей слова.

Два этих концепта – «воображаемое» и «автономия» – были центральными для интеллектуального предприятия Касториадиса именно как философского. Сам французский философ указывал: «По моему убеждению, невозможно понять, что действительно представляет собой философия, не принимая во внимание ее центральное место в рождении и разворачивании социально-исторического проекта (индивидуальной и общественной) автономии» (Фурс, 2012, с. 61). Когда к этим понятиям обращается историк, тем более историк недавнего, незавершившегося настоящего, – они одновременно и инструментализуются, сужают свое действительное богатство, но приобретают методическую завершенность, необходимую (в исследовательском ракурсе) контекстуальную привязку. В этой статье я хотел бы отметить только самые общие, но важные моменты такой понятийной переработки (и отмеченной выше инверсии).

Необходимые понятийные оговорки: за двумя указанными концептами воображаемого и автономии стоят куда более испытанные и традиционные представления о воображении и,

соответственно, о свободе. Понятие воображаемого (в ряде работ Владимир Фурс даже использовал для передачи по-русски латинизм «имажинерия») явно больше и шире сфер, связанных с воображением, специфическими характеристиками сознания как такового – и у «воображения» тоже есть долгая философская традиция толкования (Lennon, 2015). Рискуя грубыми обобщениями, представлю различия в толковании этих понятий в схематическом виде:

Imaginary	Imagination
Ключевое свойство социального устройства	Одна из способностей Разума, наряду с иными
Включает и научные, технические порядки	Противопоставляется (слишком) рациональному
Касается не только искусства, но также культуры и символического в целом	«Продуктивная способность воображения» (Кант), также эстетика
Связано с идеей «множественных модерностей» и воображаемых сообществ (наций)	Лишено непрременной социальной привязки, ближе к психологии

Данная таблица представляет воображаемое уже не только по Касториадису, но включает, помимо прочего, масштабные работы об этом понятии британского исследователя национализмов Бенедикта Андерсона и канадского философа, теоретика коммуитаризма и тонкого аналитика секуляризации Чарльза Тейлора. В специальной работе о современных (западных) обществах – с осознанной рефлексией в отношении напряженности этих двух определений, как и в фундаментальном «Секулярном веке», он указывал:

Под социальным воображаемым я имею в виду нечто более широкое и глубокое, нежели просто интеллектуальные схемы, которые люди могут привлекать себе в помощь, рассуждая о социальной реальности отстраненно и отвлеченно. Здесь подразумеваются, скорее, те способы, благодаря которым они представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят, и глубинные нормативные идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями (Taylor, 2004, p. 23; Тейлор, 2010, с. 19).

За таким принципиально широким определением, с отсылкой к идее «морального порядка» и основания [background] социальных практик, можно увидеть и феноменологическую оптику, мотивы позднего Витгенштейна, а также ценности морального порядка

и политической мобилизации (сам Тейлор приводит пример образов и смыслов демонстраций, вспоминая китайский Тяньаньмэнь 1989 года и Манилу 1986 года). Уже с конца 1990-х годов Дилип Гаонкар и Арджун Аппадурай (первый в плане риторики, второй исходя из социологических оснований) используют понятие воображаемого, введя его в арсенал гуманитарных и социальных наук, а не только философии (о социологических инструментализациях понятия см.: Herbrink and Schlechtriemen 2019; Gaonkar, 2002; Фурс, 2003).

Понятие «автономии» было важно Касториадису как представителю либерального социализма до самых последних дней; он отошел не только от сталинской или троцкистской веры в лозунги государственного социализма или «настоящего ленинизма», но после 1960-х годов и от представлений о первостепенной значимости марксизма как такового (Dosse, 2014). И именно автономия, а не свобода (или только права человека, например) была в центре его проекта: не положения Исаяи Берлина или Хабермаса (идеи которого он оспаривал), а формы профессиональной жизни и труда, гражданского участия или политического представительства, не ограниченного только традиционными парламентскими институтами (Lallement, 2015). В целом его взгляды уместно сопоставлять с послевоенными идеями Ханны Арендт об основаниях социального устройства, перспективах прямой демократии (в т. ч. полисного типа) и мутации общественных идеалов (Breckman, 1997). В самые последние годы с понятием «воображаемого» активно работают культурологи, антропологи, социологи – и в заметной меньшей степени специалисты по недавнему прошлому.

3

Здесь, вероятно, пора сказать о тех инверсиях, которые затрагивают природу воображаемого и автономии в «долгом» XX веке и которые особенно важны для области интеллектуальной истории. Наряду со «словарем» историка понятий и «контекстом» историка идейных споров эта самая разноуровневая сфера метафор, ожиданий и сциентистских проектов (а не просто «воображения») должна наконец обрести причитающуюся ей артикуляцию и исторически углубленную рефлексию (Langenohl, 2019; Singer, 2020).

Воображаемое, согласно Касториадису, Тэйлору и их последователям, охватывает область социального самосознания, рефлексии и проектирования (Strauss, 2006). «Воображаемое» в этой трактовке – не просто синоним более привычного «мировоззрения» (о котором говорят применительно к любым временам и странам), а феномен специфически современный, в т. ч. связанный с наукой и научными способами рассмотрения общества и сопряженный с проблемами политики и власти; он задействует

дискурсивные и ценностные составляющие социальной мысли (Adams and Smith, 2019). В связи с идеями 1789 года этот концепт использовался французским мыслителем Марселем Гоше и канадским историком политической мысли Брайаном Зингером, равно как по схожим путям был выстроен в свое время и детальный культурно-семиотический анализ концепта «подпольной России» – в книге Марины Могильнер, посвященной Российской империи рубежа XIX и XX веков (Могильнер, 1999).

В рамках, задаваемых этим «революционным воображаемым», общественные идеи, образы, понятия выстраивались в целостные и одновременно довольно подвижные – отнюдь не «выкованные из одного куска стали» – идеологические дискурсы (с их концептуальной риторикой и сложной внутренней архитектурой, алгоритмами действия в той или иной политической ситуации) (Steinberg, 2002; Hake, 2015; Гельвих и Дмитриев, 2018). В литературе последнего десятилетия эволюция политических идеологий XIX–XX веков стала поясняться вслед за работами британского исследователя Майкла Фридена (Freedon, 1996; Freedon, 2005) через специфические, неслучайные или произвольные комбинации базовых терминов и строительных кирпичиков-идей. Конец и начало XX века могут под пером аналитиков даже рифмоваться, как произошло в книгах Манфреда Штегера, автора целого ряда оригинальных работ о глобальном воображаемом и основательной монографии о марксистском мировоззрении Эдуарда Бернштейна (Steger, 2006; Steger, 2008).

Разумеется, эта сфера политического сознания и общественного самосознания не была достоянием только левых; не стоит понимать ее и как нечто преимущественно иррациональное. Напротив, доказательные аргументы и логически выверенные идейные схемы в социальном воображаемом непременно переплетались с «дологическими» убеждениями и образами, задавая разные «картины мира» у сторонников тех или иных идей во всех сегментах политического спектра, включая правых и разного рода центристов, либералов и прочих. В Российской империи на революционно-социалистическом фланге уже накануне Первой мировой войны сложилась хорошо распознаваемая самими современниками гамма устойчивых форм и типов политической субкультуры (Морозов, 2012). За эсером, эсдеком (а после 1905 года – за большевиком и меньшевиком) и далее за либералом-кадетом или человеком «истинно русских взглядов» стоял не только выбор того или иного типа дискурса и потенциальный сценарий политического поведения, заданный ценностными ориентирами и программными принципами, но и социальный (или культурный) персонаж, набор почти литературных типажей – из «Петербурга» Белого или будущей «Жизни Климса Самгина» Горького.

И вот тут массовизация политики, революции и войны включили механизм инверсии: присущие началу XX столетия

политические, национальные и даже нравственные идеалы автономии (и, конечно, принципы эмансипации) менее четверти века спустя обнаружили свою безусловность и – оборотную сторону. Не только либеральные или социалистические постулаты оказались прямо сопряжены со специфической социальной инженерией и дирижизмом, кровавыми столкновениями и новыми неравенствами, а не с «исполнением вековых чаяний». Достаточно проанализировать эволюцию наследников Сореля или феномен самого Муссолини, бывшего социалиста, – для иллюстрации флюидности или инверсий левого воображаемого после 1914 года (Antliff, 2011). И правые авторы, вроде Василия Шульгина, заговорили в 1920-е годы уже в эмиграции о «вожачестве» и новых единомысленных партиях по типу «армии в сюртуках». Все эти пертурбации проявились уже в Первую мировую войну, но и в Российской империи, и в «пробуждающейся Азии» уже после 1905 года воплощения идеалов явно выходили за пределы предписанных доктринами XIX века чертежей идеальной монархии, социалистического общежития или гармонической федерации мирных народов и «критически мыслящих личностей» (Cuzman, 2008).

Социальное воображаемое, как уже отмечалось, многослойно (в социологическом срезе в особенности) и не сводится к теориям, но включает также и действенные воплощения этих проектов. Авторами чертежей была верхушка или активная оппозиционная часть «образованного класса», университетская профессура или «властители дум», педагоги, писатели, журналисты или деятели искусства, включая и низовую интеллигенцию. Выношенные ими представления и понятия так или иначе влияли на жизнь куда более широкой среды, преломлялись в том, что принято было называть «народной толщей», – скорее не отторгались, но существенно видоизменялись ею. Это было не специфической проблемой России, но темой периферийного развития в целом (в Азии, на Балканах, в Латинской Америке или Польше, в Испании – и Греции, где сформировался как политик сам Касториадис, в особой субкультурной среде).

Видный русский формалист и инженер по образованию, выпускник Сорбонны Борис Томашевский в работе о языковом стиле Ленина в мемориальном номере «ЛЕФа» писал об «организованном упрощении культуры» (термин публициста того времени М. Левидова) и об изменении общей ситуации людей знания – о новом воображаемом:

В настоящее время происходит характерное «оседание» культуры. Прошла эпоха «парниковой» духовной жизни. Парниковая рассада пошла в дело. Отсюда и широкая демократизация искусства, и такие симптомы, как своеобразный утилитаризм в художественных направлениях. Все это – проявления здоровой тенденции создания широкой культурной традиции; традиция – это

своего рода маховик, аккумулятор, обеспечивающий бесперебойную работу будущего. Это оседание, как всякий социальный процесс, сопровождается и отрицательными, уродливыми явлениями, но в основе это процесс здоровый и исторически необходимый. Парники («интеллигентство», которое напрасно смешивают с «интеллигенцией», профессиональной носительницей культуры, которая нужна при всяких социальных соотношениях) – эти парники разбиты.

Проникновение культуры в «жизнь», выражаясь грубо, влечет за собой и пристальную, внимательную культивировку прозаической речи. Мечта Писарева о слиянии художественной литературы с популярно-научной наконец обретает в России реальную почву, хотя и не в формах, мыслившихся реалисту (Томашевский, 1924, с. 140).

Так можно ли всерьез говорить об автономии в связи с советским проектом и его декларациями свободы человека и наций? Как бы злорадно или иронически ни комментировать выспренное рассуждение в духе Луначарского об «историческом творчестве масс», реальностью после 1917 (точнее, 1914) года стал приход в историю низов, прежде бывших на ее обочине, в глубине. Наряду с «Восстанием масс» Ортеги-и-Гассета или идеями Макса Шелера с его «эпохой уравнивания» можно обратиться за этим сюжетом и к пореволюционной публицистике «сменовеховца» Николая Устрялова. Впрочем, вернакуляризация, опрощение и омассовление марксизма и социализма еще до 1917 года вовсе не были связаны исключительно с крестьянской, азиатской, русской спецификой революции, но явными были и в таких «цивилизованных окраинах» Российской империи, как Польша и Финляндия (Marzec and Turunen, pp. 42–49). Подъем «низов» относился не только к красным. Диалектику эмансипации и несвободы наверно глубже всех аналитиков отразил в «Диагнозе нашего времени» середины 1930-х эмигрант из гитлеровской Германии и хортистской Венгрии Карл Манхейм, когда назвал диктатуру того времени проблемой демократии, не просто противопоставляя эти понятия как черно-белые антиподы. И эта же историческая диалектика выявляла в XX веке в базовых ценностях «образованного класса»: в автономии университета, в автономии личности, автономии нации и территории (на примере Украины или Хорватии), наконец, в автономии как обретении исторической самобытности, связи со своим прошлым и традицией – не только свет, но и тень, отрицательный фон, время.

Такое время – в смысле подкладки, изнанки, неучтенной оборотной стороны, да и цены, наконец, – оказывается сродни невыносимой легкости. Тут мы перешагиваем не столько во время Касториадиса или Тэйлора, но во время Владимира Фурса, в «нашу эпоху». 1980-е годы и послесоветские десятилетия снова

поставили вопрос о действенности идеала «самостоянья», о статусе и роли его носителей из «образованного класса» в условиях новой общественной и политической трансформации. Не оказались ли в бывшем втором мире «люди знания» как будто бы снова у разбитого корыта своего воображаемого, если мечты и надежды образца 1989 года у многих из них совершенно не совпали с реальностью 1990-х? По моему мнению, как и в 1920–1930-е годы, так и в конце XX века речь шла о новом переопределении статуса, состава и социальных ролей (именно – во множественном числе) образованного класса (Минаков, 2014). Автономия оказывается не столько продолжением «неотъемлемых прав», сколько проблемой гражданского участия, действенного воображаемого (Holmann, 2013).

4

Историк, приступая к масштабному описанию таких сдвигов, не может не оказаться, как отмечено в начале статьи, должником социологов, писателей и философов. Превращение воображаемого: описанная уже упомянутым Манхеймом трансформация радикальной утопии в давящую и угрюмую идеологию 20 лет спустя – будет художественно и беспощадно прослежена на примере своих былых студенческих товарищей у поляка Чеслава Милоша в «Порабощенном разуме» (1952). Это же оттолкнет Касториадиса еще в Греции от местной коммунистической среды. Писательская линия в русской литературе, заданная историософией Мандельштама или автора «Доктора Живаго» и ведущая к проблемным романам о революционерах Юрия Трифонова, Юрия Давыдова и, наконец, к параисторическим мистериям Владимира Шарова (Дмитриев, 2020), определяется внимательным отношением к левой идее и конечным неприятием советского варианта ее воплощения.

Непременное обращение Владимира Фурса к марксистской мысли не было вечной данью обстоятельствам его идейного становления. И потому ему важно было увидеть Касториадиса как антитезу антигуманизму Альтюссера в рамках марксизма (Фурс, 2012, с. 60–65; Memos, 2014) – и идти дальше, анализируя опыт мыслителей начала XXI века. Мне сейчас для анализа трансформаций образованного класса, наверно, интересней также отмеченные у Владимира положения Касториадиса, близкие подходам Бурдье к изучению социальных практик, прагматизму Ханса Йонаса или аналитике «признания» у Хоннета, – но не менее важным кажется и необходимость дополнять эти историко-идейные конструкции своего рода чувством почвы. Какую же «почвенную» пищу для ума, да еще в эпоху детерриториализаций историк или писатель мог бы дать, в свою очередь, философу? Мой вариант:

описание инверсий, «превратностей метода» – не просто как попутнений, путаницы заданных сценариев. Как раз опыт XX века показывает: воображаемое может и блокировать, переиначить автономию; между этими центральными у Касториадиса понятиями не существует предзаданности гармоничного сорасцветания.

Из авторов, связанных с советской жизнью, для смены концептуальных средств ее осмысления много дают прочитанные до сих пор довольно выборочно Михаил Гефтер, Владимир Библиер, Борис Дубин (с его чувством близости Латинской Америки, Польши, России – и мира), неоконченные споры о советской субъективности, о том «навсегда», что в итоге кончилось к 1991 году... Этим «почвенным» дебатам и текстам тоже, на мой взгляд, не хватает сейчас актуальной теоретической, философской рамки и привязки (как это было во Франции даже в «спокойные» 1950-е или 1970-е годы) (Breugh et al, 2015). В начале статьи я упомянул о действительности социальной философии как особенно важном для Владимира Фурса качестве. Он много и критически писал о Беларуси XXI века – и в плане так ценимого им динамизма Касториадис мог оказаться важнее, насущнее, быть может, более основательного и всестороннего Хабермаса. Следя за новостями из Беларуси лета и осени 2020 года, не можешь не думать о том, что тексты не только писателей или политиков, но также и философов имеют отложенный эффект. Историкам будущего для понимания событий конца 2010-х годов непременно придется прочесть не только Маркса, Алексеивич или Паточку – но и Владимира Фурса.

Литература

- Автономова, Н.С. (2010) Словарь по психоанализу. Концептуальные языки и проблема перевода. *Философские науки*, № 4, с. 16–34.
- Гашков, С.А. (2020) *Бытие. Субъект. История. Онтология и эпистемология Корнелиуса Касториадиса*. Санкт-Петербург: Балтийский государственный технический университет. 139 с.
- Гельвих, А.В., Дмитриев, А.Н. (2018). Революционное воображаемое: «личность» и «класс» у российских социалистов первых десятилетий XX в. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* (7).
- Вальдштейн, М. (2013) О «либеральном мейнстриме» и культурном консерватизме. *Ab Imperio*, 1, с. 141–158.
- Давыдов, Ю.Н., (1987) *Метапсихологическая мифологизация диалектики. В: Идеалистическая диалектика в XX веке (критика мировоззренческих основ немарксистской диалектики)*. Москва: Политиздат, с. 272–326.
- Дмитриев, А. (2020) *Между двух Платоновых, или Наука «данного иного» В: Владимир Шаров: По ту сторону истории. Сборник статей и материалов / Сост.: М. Липовецкий, А. де ля Фортель*. Москва: Новое литературное обозрение, 2020, с. 347–366.
- Капустин, Б. (2006) *Политическая теория. В: Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений*. Москва, с. 61–73.

- Касториадис, К. (2003) *Воображаемое установление общества*. Москва: Гнозис; Логос. 480 с.
- Касториадис, К. (2012) *Дрейфующее общество. Беседы и дискуссии (1974–1997)* / Пер. с франц. Москва: Гнозис; Логос. 327 с.
- Лотман, Ю.М. (1974) О редукции и развертывании знаковых систем (К проблеме «фрейдизм и семиотическая культурология»). В: *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*, 1 (5), Тарту: Изд-во Тартуского государственного университета, с. 105–107.
- Минаков, М. (2014). Постсоветская демодернизация: период нового околдования? *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, (6), с. 68–84.
- Могильнер, М. (1999) *Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа*. Москва: Новое литературное обозрение. 208 с.
- Морозов, К.Н. (2012) *Феномен субкультуры российского революционера начала XX в. В: Человек и личность в истории России: конец XIX–XX в. Материалы международного colloquium*. Санкт-Петербург: Нестор, 2012, с. 134–148.
- Нежелская, И.В. (2010) Интеллектуальная биография Корнелиуса Касториадиса. *Политико-философский ежегодник*, вып. 3, с. 54–69.
- Тейлор, Ч. (2010) Что такое социальное воображаемое? *Неприкосновенный запас*, 1 (69), с. 19–26.
- Томашевский, Б. (1924) Конструкция тезисов. *ЛЕФ*, 1 (5), с. 140–148.
- Фурс, В. (2003) Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации. *Социологическое обозрение*, 3, №4, с. 58–66.
- Фурс, В. (2012) *Собрание сочинений*. Т. 1. Вильнюс, 2012. 434 с.
- Adams, S., Smith, J.C. (Eds.). (2019). *Social Imaginaries: Critical Interventions*. London; New York: Rowman & Littlefield International, 226 p.
- Antliff, M. (2011) Bad Anarchism: Aestheticized Mythmaking and the Legacy of Georges Sorel. *Anarchist Developments in Cultural Studies*. No. 2, pp. 155–187.
- Breaugh, M. et al., eds. (2015) *Thinking Radical Democracy: The Return to Politics in Post-War France*. Toronto: University of Toronto Press, 288 p.
- Breckman, W. (1998) Cornelius Castoriadis contra Postmodernism: Beyond the «French Ideology». *French politics and society*, 16, no. 2, pp. 30–42.
- Chollet, A. (2015) Claude Lefort et Cornelius Castoriadis: regards croisés sur Mai 68. *Politique et sociétés*, 34, no. 1, pp. 37–60.
- Dosse, F. (2014) *Castoriadis, une vie*. Paris: La découverte, 500 p.
- Evergates, T. (1997) The feudal imaginary of Georges Duby, *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 27, no. 3, pp. 641–660.
- Freeden, M. (1996) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Oxford University Press, 608 p.
- Freeden, M. (2005) *Liberal Languages: Ideological Imaginations and Twentieth Century Progressive Thought*. Princeton University Press, 280 p.
- Gaonkar, D.P. (2002) Toward new imaginaries: An introduction. *Public Culture*. 14. no. 1, pp. 1–19.
- Gottraux, P. (1997) *Socialisme ou Barbarie: un engagement politique et intellectuel dans la France de l'après-guerre*. Lausanne, Suiza: Payot, 427 p.
- Hake, S. (2017) *The Proletarian Dream: Socialism, Culture, and Emotion in Germany, 1863–1933*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 383 p.

- Herbrik, R., Schlechtriemen, T. (2019) Editorial for the special issue “Scopes of the Social Imaginary in Sociology”. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*, Bd. 44, no. 2, pp. 1–15.
- Holman, C. (2013) Reconsidering the Citizens' Assembly on Electoral Reform Phenomena: Castoriadis and Radical Citizen Democracy. *New Political Science*, 35, no. 2, pp. 203–226.
- Keucheyan, R. (2013) *Left Hemisphere: Mapping Contemporary Theory*. London: Verso Books, 304 p.
- Kurzman, Ch. (2008) *Democracy Denied, 1905–1915*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 404 p.
- Labelle, G. (2001) Two refoundation projects of democracy in contemporary French philosophy: Cornelius Castoriadis and Jacques Rancière. *Philosophy & social criticism*, 27, no. 4, pp. 75–103.
- Lallement, M. (2015) Work and the challenge of autonomy. *Social Science Information*, 54, no. 2, pp. 229–248.
- Langenohl, A. (2019) The imaginary of the democratic vote: a conceptual contribution to cultural political sociology. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*, Bd. 44, no. 2, pp. 57–75.
- Lennon, K. (2015) *Imagination and the Imaginary*. Routledge, 154 p.
- Marzec, W., Turunen, R. (2018) Socialisms in the Tsarist Borderlands: Poland and Finland in a Contrastive Comparison, 1830–1907. *Contributions to the History of Concepts*. 13, no. 1, pp. 22–50.
- Memos, C. (2014) *Castoriadis and critical theory: Crisis, critique and radical alternatives*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 183 p.
- Singer, B. (2020) Conceptualizing the Imaginary. *Social Epistemology*, 9, no. 6, pp. 1–14.
- Steger, M.B. (2006) *The quest for evolutionary socialism: Eduard Bernstein and social democracy*. Cambridge University Press, 302 p.
- Steger, M.B. (2008) *The rise of the global imaginary: Political ideologies from the French revolution to the global war on terror*. Oxford University Press, 318 p.
- Steinberg, M.D. (2002) *Proletarian imagination: self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925*. Cornell University Press, 352 p.
- Strauss, C. (2006) The imaginary. *Anthropological theory*, 6, no. 3, pp. 322–344.
- Taylor, C. (2004) *Modern social imaginaries*. Durham NC, Duke University Press, 215 p.

References

- Adams, S., Smith, J.C., eds. (2019) *Social Imaginaries: Critical Interventions*. London, New York: Rowman & Littlefield International, 226 p.
- Antliff, M. (2011) Bad Anarchism: Aestheticized Mythmaking and the Legacy of Georges Sorel. *Anarchist Developments in Cultural Studies*. No. 2, pp. 155–187.
- Avtonomova, N.S. (2010) Slovar' po psikhoanalizu. Kontseptual'nye yazyki i problema perevoda [Dictionary of Psychoanalysis. Conceptual Languages and the Problem of Translation]. *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*, № 4, pp. 16–34.
- Breugh, M. et al., eds. (2015) *Thinking Radical Democracy: The Return to Politics in Post-War France*. Toronto: University of Toronto Press, 288 p.
- Breckman, W. (1998) Cornelius Castoriadis contra Postmodernism: Beyond the «French Ideology». *French politics and society*, 16, no. 2, pp. 30–42.

- Chollet, A. (2015) Claude Lefort et Cornelius Castoriadis: regards croisés sur Mai 68. *Politique et sociétés*, 34, no. 1, pp. 37–60.
- Davydov, Iu.N. (1987) *Metapsikhologicheskaya mifologizatsiya dialektiki* [Metapsychological Mythologization of Dialectics]. V kn.: *Idealisticheskaya dialektika v XX veke (kritika mirovozzrencheskikh osnov nemarksistskoi dialektiki)* [Idealistic Dialectics in 20th cent. (Critics of the World-View Foundations of Non-Marxist Dialectics)]. Moscow: Politizdat, pp. 272–326.
- Dmitriev, A. (2020) *Mezhdu dvukh Platonovykh, ili Nauka «dannogo inogo»* [Between Two Platonovs, or Science of the «Given Other»]. // V kn.: Vladimir Sharov: *Po tu storonu istorii. Sbornik statei i materialov* [Beyond History: Collection of Articles and Materials] / Sost.: M. Lipovetskii, A. de lia Fortel. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, pp. 347–366.
- Dosse, F. (2014) *Castoriadis, une vie*. Paris: La découverte, 500 p.
- Evergates, T. (1997) The feudal imaginary of Georges Duby. *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 27, no. 3, pp. 641–660.
- Freeden, M. (1996) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Oxford University Press, 608 p.
- Freeden, M. (2005) *Liberal Languages: Ideological Imaginations and Twentieth Century Progressive Thought*. Princeton University Press, 280 p.
- Fours, V. (2003) Ardzhun Appadurai. «Sovremennost» na prostore: kul'turnye izmereniia globalizatsii [«The Present» in the Vastness: Cultural Dimensions of Globalization]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, [Sociological Review] 3, № 4, pp. 58–66.
- Fours, V. (2012) *Sobranie sochinenii* [Collection of works]. T. 1. Vil'nius, 2012. 434 p.
- Gaonkar, D.P. (2002) Toward new imaginaries: An introduction. *Public Culture*. 14. no. 1, pp. 1–19.
- Gashkov, S.A. (2020) *Bytie. Sub»ekt. Istoriia. Ontologiya i epistemologiya Korneliusa Kastoriadisa* [Being. Subject. History. Ontology and Epistemology of Cornelius Castoriadis]. Saint Petersburg.: Baltiiskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. 139 p.
- Gel'vikh, A.V., Dmitriev, A.N. (2018) *Revoliutsionnoe voobrazhaemoe: «lichnost» i «klass» u rossiiskikh sotsialistov pervykh desiatiletii XX v.* [Revolutionary Imaginary: «Personality» and «Class» of Russian Socialists in the first decades of 20th cent.]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»* (7).
- Gottraux, P. (1997) *Socialisme ou Barbarie: un engagement politique et intellectuel dans la France de l'après-guerre*. Lausanne, Suiza: Payot, 427 p.
- Hake, S. (2017) *The Proletarian Dream: Socialism, Culture, and Emotion in Germany, 1863–1933*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 383 p.
- Herbrik, R., Schlechtriemen, T. (2019) Editorial for the special issue “Scopes of the Social Imaginary in Sociology”. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*, Bd. 44, no. 2, pp. 1–15.
- Holman, C. (2013) Reconsidering the Citizens' Assembly on Electoral Reform Phenomena: Castoriadis and Radical Citizen Democracy. *New Political Science*, 35, no. 2, pp. 203–226.
- Kapuctin, B. (2006) *Politicheskaya teoriia* [Political Theory]. In: *Mysliashchaia Rossiia. Kartografiia sovremennykh intellektual'nykh napravlenii* [Thinking Russia. Cartography of Modern Intellectual Tendencies] / Pod red. V. Kurenogo. Moscow, pp. 61–73.

- Kastoriadis, K. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva [Imaginary Establishment of Society]* / Per. s frants. Moscow: Gnozis; Logos. 480 p.
- Kastoriadis, K. (2012) *Dreifuiushchee obshchestvo. Besedy i diskussii (1974–1997) [Drifting Society. Conversations and Discussions (1974–1997)]* / Per. s frants. Moscow: Gnozis; Logos. 327 p.
- Keucheyan, R. (2013). *Left Hemisphere: Mapping Contemporary Theory*. London: Verso Books, 304 p.
- Kurzman, Ch. (2008) *Democracy Denied, 1905–1915*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 404 p.
- Labelle, G. (2001). Two refoundation projects of democracy in contemporary French philosophy: Cornelius Castoriadis and Jacques Rancière. *Philosophy & social criticism*, 27, no. 4, pp. 75–103.
- Lallement, M. (2015) Work and the challenge of autonomy. *Social Science Information*, 54, no. 2, pp. 229–248.
- Langenohl, A. (2019) The imaginary of the democratic vote: a conceptual contribution to cultural political sociology. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*, Bd. 44, no. 2, pp. 57–75.
- Lennon, K. (2015) *Imagination and the Imaginary*. Routledge, 154 p.
- Lotman, Iu.M. (1974) O reduktzii i razvertyvanii znakovykh sistem (K probleme «freidizm i semioticheskaiia kul'turologiia») [On the Reduction and Deployment of Sign Systems (To the Problem of «Freudism and Semiotic Culturology»)]. *Materialy Vsesoiuznogo simpoziuma po vtorichnym modeliruiushchim sistemam, [Materials of All-Union Symposium on Secondary Simulated Systems]*. I (5), Tartu: Izd-vo Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 105–107.
- Marzec, W., Turunen, R. (2018) Socialisms in the Tsarist Borderlands: Poland and Finland in a Contrastive Comparison, 1830–1907. *Contributions to the History of Concepts*. 13, no. 1, pp. 22–50.
- Memos, C. (2014) *Castoriadis and critical theory: Crisis, critique and radical alternatives*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 183 p.
- Minakov, M. (2014) Postsovetskaia demodernizatsiya: period novogo okoldovaniya? [Post-Soviet Demodernization: Period of New Bewitching?]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture [Emergency Supplies. Debates on Politics and Culture]*. (6), pp. 68–84.
- Mogil'ner, M. (1999) Mifologiya «podpol'nogo cheloveka»: Radikal'nyi mikrokozmos v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza [Mythology of an «Underground Person»: Radical Microcosm in Russia in the eginning of 20th cent. as a Subject of Semiotic Analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 208 p.
- Morozov, K.N. (2012) Fenomen subkul'tury rossiiskogo revoliutsionera nachala XX v. [Phenomenon of the Subculture of Russian Revolutionism in the beginning of 20th cent.] V kn.: *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii: konets XIX – XX v. [Human Being and Personality in the History of Russia: the end of 19th – 20th cent.]*. Saint Petersburg: Nestor, 2012, pp. 134–148.
- Nezhel'skaia, I.V. (2010) Intellektual'naia biografiya Korneliusa Kastoriadisa [Intellectual biography of Kornelius Kastoriadis]. *Politiko-filosofskii ezhegodnik [Political and Philosophical annual]*. vyp. 3, pp. 54–69.
- Singer, B. (2020) Conceptualizing the Imaginary. *Social Epistemology*, 9, no. 6, pp. 1–14.
- Steger, M.B. (2006) *The quest for evolutionary socialism: Eduard Bernstein and social democracy*. Cambridge University Press, 302 p.

- Steger, M.B. (2008) *The rise of the global imaginary: Political ideologies from the French revolution to the global war on terror*. Oxford University Press, 318 p.
- Steinberg, M.D. (2002) *Proletarian imagination: self, modernity, and the sacred in Russia, 1910–1925*. Cornell University Press, 352 p.
- Strauss, C. (2006) The imaginary. *Anthropological theory*, 6, no. 3, pp. 322–344.
- Taylor, C. (2004) *Modern social imaginaries*. Durham NC, Duke University Press, 215 p.
- Teilor, Ch. (2010) Chto takoe sotsial'noe voobrazhaemoe? [What is Social Imaginary?]. *Neprikosnovennyi zapas [Emergency Supplies]*, 1 (69), pp. 19–26.
- Tomashevskii, B. (1924) Konstruktsiia tezisov. [Construction of Theses] *LEF*, 1(5), pp. 140–148.
- Val'dshtein, M. (2013) O «liberal'nom meinstrime» i kul'turnom konservatizme [On the «Liberal Mainstream» and Cultural Conservatism]. *Ab Imperio*, 1, pp. 141–158.